

e-mail: generals78@mail.ru

Borisov M. V. – master Voronezh State
Agricultural University named after Emperor Peter I
e-mail: generals78@mail.ru

История спецслужб

УДК 94

UDK 94

Роль СССР в возникновении партизанского восстания 1941 г. в Югославии

А.Ю.Тимофеев

Институт новейшей истории Сербии
(Белград, Сербия)

(Институт за новију историју Србије), Србија,
11000, Београд, Трг Николе Пашића 11.
e-mail: al.timofev@gmail.com

Авторское резюме:

В данной статье рассматривается влияние СССР на вооруженное восстание в Югославии, поднятое местными коммунистами летом 1941 г. после нападения гитлеровской Германии на СССР. Особое внимание уделено роли СССР в переброске югославских интербригадовцев в Югославию, политике Коминтерна (и СССР) по отношению к вооруженному восстанию до и после 22 июня 1941 г., а также губительной межведомственной конкуренции советских спецслужб, приведшей среди других факторов к долгосрочному ослаблению влияния СССР в Югославии.

Ключевые слова: Югославия, Коминтерн, Тито, партизанское движение, Вторая мировая война.

The Role of the USSR in the Genesis of the Partisan Uprising in Yugoslavia in 1941

A.Yu. Timofeev

Institute for Modern Serbian History
Trg Nikole Pašića 11, 11000 Belgrade, Serbia
e-mail: al.timofev@gmail.com

Abstract: This article examines the influence of the USSR on the background of the armed uprising in Yugoslavia, raised by local communists in the summer of 1941 following the attack of Nazi Germany on the Soviet Union. A special attention is focused on the role of the USSR in the transfer of Yugoslavian members of International Brigade back to Yugoslavia, politics of the Comintern (and

the USSR) in relation to an armed insurrection before and after June 22, 1941 and ruinous interdepartmental competition of Soviet secret services, which led among other things to the long-term weakening of the Soviet influence in Yugoslavia.

Keywords: Yugoslavia, the Comintern, Tito, partisan movement, World War II.

После неудачного завершения Гражданской войны в Испании и возвращения в СССР советские организаторы партизанско-диверсионного дела из-за тотальных чисток оказались в сложной ситуации. Югославские интербригадовцы, остававшиеся в Испании до самого конца, после поражения республики также попали в непростое положение. Большинство югославских «испанцев», переживших поражение, были интернированы в лагерях на юге Франции (Španija 1971, 4: 7-281). Отъезд на родину этих закаленных кадров КПЮ был затруднен тем, что в Югославии полицейские власти (небезосновательно) считали коминтерновцев «коммунистическими боевиками», запрещая выезд граждан Королевства на помощь республике и арестовывая их по возвращении. Франция также с сомнением относилась к интербригадовцам и старалась ограничить их перемещения. Поэтому вернуться коминтерновцы смогли лишь после того, как немцы оккупировали Францию и Югославию.

Наиболее детальные воспоминания о тех событиях оставили Влада Попович и Иван Гошняк (Španija 1971, 4: 281-316). Переброска на территорию оккупированной Югославии осуществлялась следующим образом: весной-летом 1941 г. югославские «испанцы», переходили на территорию Рейха. Единицы делали это нелегально (бежав из лагеря), но большинство покидало лагерь легально, декларируя себя хорватами (гражданами союзной немцам НГХ), разочаровавшимися в левых идеалах. В Германии они устраивались на работу в германской индустрии, испытывавшей недостаток рабочих рук из-за мобилизации. Ударным трудом они получали

право на краткий отдых на родине и с заверенными немцами проездными документами следовали до границ Югославии, где переходили в подполье. Очевидно, что ИККИ (через массовую КП Франции) активно участвовал в первой половине проекта – оповещении югославских «испанцев», о необходимости перехода в Германию и о способах переброски в Германию тех, кто не мог надеяться на освобождение как «раскаявшийся» хорват. Вторая часть операции была намного более сложной – обнаружение рассеянных по Рейху югославских «испанцев», оповещение их о коммунистических явках в оккупированной немцами Словении или в НГХ. КП Германии была практически уничтожена на территории Рейха, и ИККИ не смог бы на нее опереться (Schütrumpf 1996; Merson 1999).

По официальной версии, которую представили в своих воспоминаниях югославские коммунисты, в июне 1941 г. из Германии в Югославию перешел хорват Вячеслав Цветко (Флорес). Флорес вышел на связь с В.Поповичем, от которого получил приказ Тито – вернуться в Германию, собрать там югославских «испанцев» и организовать их возвращение на родину. В то же время КПЮ организовала сеть перевалочных пунктов в НГХ для приема и размещения прибывающих. В своих воспоминаниях В.Попович утверждал, что Флорес смог «за короткое время организовать пункты в Десау, Эспенхайме, Битерфельде, Лейпциге и Граце... Он вступил в контакт с нашими товарищами, которые работали в районе Лейпцига и Берлина... И смог беспрепятственно перебросить несколькими группами к границе около 60 товарищей». Некоторые товарищи смогли и сами пробраться в Югославию. И все это, как настойчиво подчеркивал В.Попович, «без чьей-либо помощи». Таким образом, «Флорес и ...остальные товарищи смогли убедиться в недостатках полицейского аппарата фашистской Германии» (Španija 1971, 4: 281-283). Иван Гошняк, прибывший в Югославию по тем же каналам, чувствовал неубедительность/необычность всей этой истории и в своих мемуарах признавался, что вообще «трудно объяснить», как вся эта авантюра получилась (Španija 1971, 4: 294). Не только переброска в Югославию, но и скрытое от гестапо обнаружение двух десятков «испанцев» в массе югославов, трудившихся в Рейхе, походили бы на чудо, если бы его осуществили только Флорес да двое его коллег из КПЮ. Примера ради

стоит отметить, что в 1939 г. в Германии работали около двадцати тысяч югославов, а с 1941 г. их численность резко возросла и к концу 1942 - началу 1943 гг. составляла свыше 185 тысяч рабочих (Ristović 1991: 249-251).

Архивы определенных организаций в СССР, судя по всему, активно вовлеченных в осуществление этого «чуда», до сих пор закрыты. Тем не менее, очевидно, что кто-то должен был помогать югославским кадрам, закаленным в горниле гражданской войны, попадать на родину. Стоит отметить, что еще в тридцатые годы в СССР считали Югославию, с ее гористым рельефом и сложным переплетением межнациональных отношений, подходящим местом для партизанской войны, уже имевшей там богатые традиции. По словам Старинова, вышедший в Москве сборник «Практика малой войны в оккупированной Сербии» был, наряду с книгой Лоуренса «Война в пустыне», единственной посвященной иностранным некоммунистическим повстанцам книгой, использовавшейся для обучения партизанских кадров (Старинов 1989). Косвенным подтверждением вмешательства советских спецслужб в концентрацию партизанских кадров в Югославии в доступных архивах могут быть лишь интересные характеристики типового образца, хранящиеся в личных делах большинства югославских «испанцев» (РГАСПИ, ф.495 Исполком Коминтерна, оп. 277 «Личные дела (Югославия)'). Надо объяснить, что внутренняя структура личных дел такова, что каждое начинается с анкеты, автобиографии и характеристик. Новые анкеты и характеристики появлялись накануне назначения на новое место работы, причем в анкете обязательно указывалась цель ее составления (повышение, обучение, преподавательская работа и т.д.). Так вот, в личных делах югославских «испанцев» во второй половине 1940 – в начале 1941 гг. появились типовые характеристики для некоей «внешней организации», отпечатанные на серой бумаге небольшого формата. Эти характеристики составлялись с упором на военно-политическую деятельность в ходе гражданской войны в Испании и хранятся в делах на В. Поповича, И. Хариша, И. Гошняка и многих других «испанцев» - будущих организаторов югославского партизанского движения, в том числе и в досье самого Флореса. Характеристики заверяли курировавший архив интербригад и доставивший его в Москву Эдуардо д'Онофрио (Эдо) и представитель КПЮ при

ИККИ Велько Влахович (Власов).

Всего из Югославии или эмиграции в Испанию прибыли около 1700 человек, причем из СССР прибыло около 90 человек. Около 800 югославских интербригадовцев сложили свои головы на Пиренеях, 15 из них приехали в Испанию из СССР. Во Франции по окончании войны были интернированы около 500 человек. В 1941 г. удалось перебросить в Югославию около 250 югославских «испанцев», причем каждый пятый из них приехал в Испанию из СССР. На первый взгляд, цифры не столь уж велики. Однако практически во всех краевых штабах присутствовали ветераны-«испанцы», еще больше их было среди командиров и комиссаров партизанских отрядов, возникших в 1941 г. Кроме того, «испанцы» составляли кадры руководителей и инструкторов по диверсионной и разведывательной (контрразведывательной) деятельности. Первый командир 1-й пролетарской бригады и его заместитель, пять из девяти руководителей первых партизанских дивизий и первые два командира партизанских корпусов в 1942 г. также были «испанцами». В 1943 г. из семи командиров главных штабов трое были «испанцами». В 1944 г. из пяти руководителей главных штабов партизан четыре человека были «испанцами» (Španija, 5: 499-577; Vojna enciklopedija 1970-1978; Leksikon 1980; Narodni 1982). Хотя не каждый югославский интербригадoveц, оказавшийся на родине в 1941 г., получил специальную подготовку, большинство из них эту подготовку все-таки получили в СССР или в Испании, от советских инструкторов или югославов, обученных до этого советскими инструкторами.

Очень трудно точно оценить роль, которую партизанская подготовка в СССР и Испании сыграла в процессе созревания югославских партизанских кадров. Разумеется, местные обстоятельства и личные качества руководства КПЮ имели в развитии партизанского движения немалое значение. Активизации партизанской войны способствовали и сами оккупанты, а точнее их хорватские помощники, проводившие в 1941-1942 гг. политику геноцида сербского населения. В результате до 1943 г. большинство партизан были сербами из Хорватии и входившей в НГХ Боснии. Партизанское движение на территории НГХ было самым мощным до осени 1944 г., и, по словам хорвата В.Бакарича, политического комиссара Главного партизанского штаба Хорватии, до конца 1942

г. «представляло собой сербское движение сопротивления» (Tomasevich 1975: 106; Nešović 1983: 281). В этом смысле характерно донесение Тито о причинах поражения в Апрельской войне, прибывшее в ИККИ 28 июня 1941 г. В нем хорват Тито, хотя и не избавился от традиционного для Коминтерна поиска вины «великосербской буржуазии», честно отметил, что «... пятая колонна имела своих представителей в самых чувствительных местах. В отделах по снабжению армии сидели белогвардейцы и хорваты, которые действовали так, что снабжение все время прерывалось», а в то же время «... моральный дух солдат, а особенно сербов был очень высок» (РГАСПИ, ф.495, оп.11, д.371, л. 44). Вероятно, в первый раз во внутренних отчетах о ситуации в Югославии появились положительные слова о сербах, а не о хорватах. Значение сербов как главных противников немецкой оккупации Югославии понимали и в Москве. Уже 22 июня 1941 г. в своей речи о нападении Германии на СССР, В.М.Молотов среди жертв немецкой экспансии упомянул только сербов, как стало известно из газеты «Правда» от 23 июня 1941 г. В то же время федералистские и югославские идеалы КПЮ помогли партизанам стать куда более массовым движением, чем ЮВвО. Партизаны значительно расширили свои ряды в 1943 г., когда после переворота в Италии в 1943 г. стало ясно, что Третий рейх, а значит и НГХ, обречены на поражение.

И все-таки роль партизанской подготовки, которую югославские кадры получали от советских инструкторов в СССР и Испании, была очень значительной. Это становится особенно очевидно, если вспомнить, что в тридцатые годы СССР фактически был мировым лидером в обучении кадров подрывным и диверсантским технологиям: массовое применение снайперской и парашютной подготовки, разработка тактики партизанских действий и диверсионной деятельности и т.д. Важен был и «репродуктивный» подход к преподаванию, превращавший успешно закончившего курс слушателя в потенциального инструктора.

Югославо-советский разрыв 1948 г. заставил многих бывших учеников «скорректировать» детали биографии, связанные с «советской школой», замалчивая или преуменьшая ее роль. Поэтому классическая югославская историография могла утверждать, что «на основании анализа Второй мировой войны, обстоятельств

в Югославии после оккупации, опыта освободительных войн и революций, творческого применения марксистской науки о вооруженном народе в конкретных условиях, в которых оказались народы и народности Югославии, Тито создал целостную и оригинальную концепцию партизанской войны... Тито в течение всей народно-освободительной войны, на каждом ее этапе находил оригинальные решения в рамках военного искусства. Партизанскую тактику он обогатил новыми компонентами, которые были выражены в определенных формах военной организации и соотношения партизанского способа ведения войны (диверсионные действия, засады, рейды, инфильтрация) с оперативно-стратегическими задачами частей НОАЮ.» (Вођњак 1983: 26) Того же мнения о «самониклости» (серб. - новизна, оригинальность) партизанских идей в Югославии были и партийные историки (Могаћа 1974: 3-43). Даже рассматривая очевидно узкоспециальные военные наставления, которые за подписью Тито выходили в начале осени 1941 г. («Наставление о способе обороны освобожденной территории», «Наставление о способе захвата населенного пункта»), титоистские исследователи не выражали сомнения, что за этим может скрываться еще что-то, кроме самообучения по Фрунзе и Клаузевицу (Тито 1961: 30-36).

Противоположные воззрения были исключением. Например, уволенный на пенсию за «неправильные воспоминания о НОБ» Иван Хариш упоминал в мемуарах свое обучение у советского инструктора Р.Вольфа (И.Г.Старинова) в Испании (Нариš 1977: 7-8). По прибытии в Югославию (вышеописанным способом, через Германию) Иван Хариш уже 15 августа 1941 г., по приказу ЦК КП Хорватии, организовал на горе Вишевице (северо-западная Хорватия) первые диверсантские курсы в истории югославского партизанского движения. В дальнейшем И.Хариш стал инструктором и организатором диверсионных групп, занимая должность руководителя Диверсантского отдела Главного партизанского штаба Хорватии, был командиром группы диверсионных отрядов Хорватии и лично принимал участие в уничтожении 27 мостов и 150 поездов, о чем и рассказал в своих мемуарах (Нариš 1960). Однако эта его открытость была скорее исключением...

После того, как главой ИККИ в 1935 г. стал проверенный сталинский кадр Г.Димитров, и в особенности после чисток 1937-1938 гг. Ко-

минтерн стал интенсивно слабеть и терять даже внешние формы независимости от СССР. Деятельность ОМС и ОК все более становилась зависимой от «соседей» (как называли в переписке НКВД и РУ РККА). В то же время ИККИ железной рукой держал переживших чистки и отсева руководителей иностранных компартий и стремился привести их в полное подчинение. Дух отношений между якобы независимыми компартиями и ИККИ прекрасно виден из отчета Й.Б.Тито от 15 сентября 1938 г., представленного в Секретариат Москвина (так называли комиссию по проверке квалификации работников аппарата ИККИ во главе с секретарем ИККИ Москвиным /Трилиссером М.А./ После ареста М.А.Трилиссера, функции его секретариата перешли к ОМС) который координировал работу советских спецслужб и Коминтерна (Адибеков и др. 1997: 191, 243). «В октябре 1936 г. я был послан Коминтерном на работу в страну, пока еще не назначили новое руководство. Мне дали задание сначала поехать в Вену, а потом и в страну, где я должен был руководить работой партии и вместе с тем нести ответственность нового руководства» (РГАСПИ, ф.495, оп.277, д.21, л. 249). Эти отношения по принципу «головной фирмы» (ИККИ) и «филиала» (местных КП), в котором каждый коммунист должен «дисциплинированно выполнять все задания ИККИ», заметны и во внутренних документах ИККИ. Например, в декабре 1938 г. ИККИ решает «утвердить созданное тов. Вальтером (т.е. Тито - А.Т.) руководство» и одобряет (после предварительного рассмотрения) «временный бюджет помощи партии», ОК ИККИ проверяет товарищей по списку, представленному Тито, определяет уровень финансовой помощи югославскому комсомолу, по собственному усмотрению вызывает отдельных лидеров КПЮ в Москву (РГАСПИ, ф.495, оп.277, д.21, л. 228).

Немецкая оккупация Югославии весной 1941 г. ограничила советское официальное присутствие в Югославии, но не внесла больших изменений в подпольные связи между ИККИ и КПЮ.

Попытаемся уточнить позицию Коминтерна, выраженную в инструкциях компартиям вовлеченных в войну стран до 22 июня 1941 г. Инструкции ИККИ, направленные КП Франции осенью и зимой 1939 г., носили антивоенный характер: сопротивление планам «англо-французских империалистов» и их попыткам «...вовлечь Скандинавию в войну и так разжечь мировую

войну» (Коминтерн 1994, I: 18), «...никакой поддержки ни людскими ресурсами, ни материалами империалистической войне. Основная цель ... - 'остановить войну!'» (Коминтерн 1994, I: 19). В то же время немецкие коммунисты получали задание работать на «укрепление дружбы СССР и немецкого народа», а также на сопротивление кругам буржуазии, католическим и социал-демократическим партиям, ориентированным на «прислуживание англо-французскому блоку, что толкает их против немецкого народа и Советского Союза». В марте 1940 г. ИККИ считал, что коммунистические партии должны «систематически разрушать легенду об антифашистском характере войны со стороны Англии и Франции, которые, используя буржуазию и социал-демократические партии в скандинавских странах, обманывают народные массы, чтобы скрыть империалистический характер войны и свою поддержку англо-французскому военному лагерю». Идея борьбы против британского империализма в Европе и на Дальнем Востоке сочеталась с не менее активной пропагандой борьбы против японского империализма ((Коминтерн 1994, I: 21).

Инструкции были именно антивоенными и не содержали призывов к сотрудничеству с оккупантами. После оккупации Западной Европы вермахтом ИККИ скорректировал свои воззрения и призвал к борьбе против ограбления страны оккупантами, против реакции и несправности народа, за восстановление политической независимости страны. «Никакой совместной деятельности с ... элементами, сотрудничающими с оккупантами, и в то же время решительное дистанцирование от ... (эмигрантского – А.Т.) правительства и династии. Самостоятельная политика партии во всех сферах» ((Коминтерн 1994, I: 27). Европейские компартии оказались в крайне деликатной ситуации после оккупации их стран официальным союзником СССР. При этом директивы ИККИ были ясными: использовать все возможности легализации в новых условиях, но не делать при этом ничего, что могло бы выглядеть, как сотрудничество с оккупантами ((Коминтерн 1994, I: 33-34). При этом голландские коммунисты опубликовали в своем легально выходившем журнале призыв к читателям «придерживаться корректных отношений с оккупантами», что вызвало критику ИККИ (Коминтерн 1994, I: 27). В то же время без последствий осталось решение КП Франции, вдохновленной примером голландских и бельгийских

коммунистов, открыто выпускавших свои печатные издания, начать переговоры с немецкими оккупационными властями о легализации выхода «L'Humanité». Узнавшие об этих переговорах французские полицейские решили арестовать членов делегации КПФ, т.к. компартия была под запретом в предвоенной Франции. Лишь после вмешательства немцев французская полиция освободила французских коммунистов ((Коминтерн 1994, I: 33-34).

Кроме этой «легальной» линии, руководство ИККИ очевидно сознавало опасность для СССР полной немецкой доминации в Европе и уже с июля 1940 г. указывало на необходимость непрерывных действий нелегальными методами, без вовлечения партии и открытой пропаганды - «ориентировать массы на подпольное сопротивление во всех формах». Компартии оккупированных стран должны были, «избегая преждевременных мер, которые были бы на руку оккупантам», «поддерживать формы открытого выражения народного недовольства», которое надо было тщательно готовить ((Коминтерн 1994, I: 35-40). Этот курс особенно твердо выражен в разговоре, состоявшемся между В.М.Молотовым и Г.Димитровым в конце 1940 г. На вопрос главы ИККИ о том, какую политику Коминтерн должен проводить в оккупированных странах, министр иностранных дел СССР поддержал усиление курса на сопротивление оккупационному режиму, но без лишнего шума (СССР-Германия 1989: 108, 118-120, 125-126).

Именно в рамках этой «нелегальной» позиции, которую ИККИ рекомендовал занять компартиям европейских стран, в Дубраве под Загребом 19-23 октября 1940 г. Тито организовал V конференцию КПЮ. На этой конференции было принято решение о создании Военной комиссии КПЮ, которая должна была готовить кадры для возможного вооруженного противостояния попыткам оккупации страны, а также активно инфильтрироваться в югославскую королевскую армию. КП Югославии и КП Болгарии были получены следующие внешнеполитические рекомендации от ИККИ: крепить единство антивоенных сил, «избегать антибуржуазной, антикоролевской и антигерманской риторики», бороться против вовлечения страны в войну, ориентировать народные массы на союз с СССР, готовить народные массы к сопротивлению любой иностранной интервенции ((Коминтерн 1994, I: 41-43). После организован-

ного британской разведкой военного переворота 27 марта 1941 г. Г.Димитров (после консультации с В.М.Молотовым) посоветовал руководству КПЮ «...избегать вооруженных столкновений с властями... не поддаваться на вражеские провокации. Не ставить под удар и не бросать в огонь слишком рано авангард народа. Момент для решительной борьбы с классовым врагом еще не пришел», «готовить себя и массы» ((Коминтерн 1994, I: 519). КП Югославии строго следовала рекомендованному «легальному» направлению, что видно из призывов ЦК КПЮ «Против капитуляции – за пакт о взаимопомощи с СССР» от 15 и 30 марта 1941 (Односи 1996: 16-18, 23-24).. С другой стороны, в строгом соответствии с рекомендациями ИККИ, также проводилась и «нелегальная» линия действий. Подготовку «себя и масс» отразила радиограмма Тито Димитрову от 13 мая 1941 г.: «Организуем боевые отряды, воспитываем военные кадры, готовим вооруженное восстание в случае нападения на СССР» (Односи 1996: 16-18, 58).

Нападение Гитлера на Югославию последовало после подписания договора между СССР и Югославией, причем и до этого (с момента установления советско-югославских дипломатических связей в 1940 г.) СССР выражал свое стремление видеть Югославию нейтральной. Советское руководство имело все основания расценивать Апрельскую войну как недружественный шаг Гитлера. Этот шаг, наряду со многими другими тревожными сигналами, большинство из которых приходило из зарубежных резидентур НКГБ СССР и РУ РККА, побудил советское руководство начать с апреля - мая 1941 г. активную подготовку к нападению Германии на СССР.

В рамках подготовки к неизбежному советско-германскому столкновению с Германией становится понятной и резкая позиция ИККИ по отношению к оккупации Югославии. Оценивая характер Апрельской войны, руководство ИККИ прибегло к ленинской классификации о «справедливых» и «несправедливых» (империалистических) войнах. В указаниях, которые Сталин дал Димитрову по поводу немецкой экспансии на Балканах, действия Югославии и Греции были оценены как «справедливая» война (Коминтерн 1994, I: 525-526). В результате ИККИ также стал переориентировать компартии в оккупированных странах на более решительную позицию по отношению к немцам. Так, 26 апреля 1941 г. коммунисты Фран-

ции получили из Москвы указания о том, что самое главное и актуальное задание – «борьба за национальную независимость». В связи с этим было решено: крепить национальное единство и создавать национальный фронт борьбы за независимость, партия выразила готовность поддержать любое национальное правительство и организацию, стремящихся к борьбе против завоевателей и их пособников, было принято решение не занимать враждебной позиции по отношению к де Голлю и его сторонникам (Коминтерн 1994, I: 525-526).

После того как 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, компартии Германии, Франции, Голландии, Болгарии, Китая, Швеции, Югославии, Великобритании и США, а затем и некоторых других стран получили радиограмму, в которой сообщалось о начале «отечественной войны в СССР», коммунисты были призваны к оружию, рекомендована ориентация на единство со всеми силами, борющимися против фашизма и нацизма, несмотря на идеологическую основу этих сил (Коминтерн 1994, I: 6). В. М. Молотов указал Г. Димитрову на то, что иностранные коммунисты должны решительно дезорганизовывать тыл врага и его армию. В тот же день ИККИ послал ЦК КПЮ следующие указания: незамедлительно организовать партизанские отряды, начать партизанскую войну, жечь военные фабрики, склады, нефтяные резервуары, аэродромы, уничтожать железнодорожное полотно, телефонные и телеграфные сети, срывать перевозки войск и боеприпасов, развязать кампанию террора против врага ((Коминтерн 1994, II: 9, 106) . В ответ ЦК КПЮ опубликовало свое обращение, почти идентичное посланию ИККИ (Тито 1982: 43-47; Односи 1996: 16-18, 61-65). Вместе с тем в призывах ЦК КПЮ потерялось заявление об «отечественном» характере войны, а само обращение было адресовано не народам Югославии, а пролетариату Югославии. В следующей же радиограмме ИККИ было рекомендовано исправить эти ошибки: обратить внимание на необходимость создания широкого фронта борьбы против оккупантов, несмотря на идеологическую подоплеку его отдельных участников...

Со второй половины 1941 г. количество поступающей в Москву информации о ситуации в оккупированной Югославии резко сократилось. В результате эвакуации персонала советского посольства несколько месяцев спустя после

оккупации Югославии, сведения о положении в Югославии могли поступать в Москву лишь по каналам нелегальных резидентур. В 1941 г. в Югославии действовали независимые друг от друга советские разведывательные сети, подконтрольные следующим органам: РУ РККА, I управление НКВД (НКГБ) и СС ИККИ (служба связи Исполкома Коминтерна). Во главе отделения СС ИККИ в Югославии стоял Й.Копинич (Senčić 1983; Doder 1986). Судя по послевоенным разработкам югославской контрразведки и личному делу М.Голубича в ИККИ, во главе сети РУ РККА в Югославии весной 1941 г. стоял Мустафа Голубич (РГАСПИ, ф.495, оп. 277, д. 1804. Ф.И.Голиков - Г.М.Димитрову; Nešković 1985; Trhulj 1986; Labović 1990). В то же время остается открытым вопрос о деятельности резидентуры (резидентур) НКВД в Югославии весной 1941 г.

После эвакуации последних работников посольства СССР из Белграда число советских источников информации из оккупированной Югославии продолжило сокращаться. Перед отъездом сотрудники посольства вошли в контакт с Милошем («Мишей») Брашичем, журналистом газеты «Време» и агентства United Press, служившим в 1935-1938 гг. пресс-секретарем патриарха Варнавы. М.Брашич был завербован сотрудником посольства СССР в Югославии в 1940 г. и получил оперативный псевдоним «Джин». Советский «дипломат» передал ему радиостанцию и шифровые таблицы. Брашич перевез эту радиостанцию в центральную Сербию, а осенью 1941 г. радиостанция попала в Ужице, и ей стал пользоваться Верховный штаб югославского партизанского движения (т.е., Й.Б.Тито) (Poročić 1988: 39, 40, 54; Радић 2006: 232; Blic. 2007, 13.02; ; AJ, ф.ЦК ЦКJ, д. МГ-2957).

В то же время произошло несколько непонятных событий с сетью РУ РККА в Югославии. Их следы отражены в письме начальника РУ РККА Ф. И. Голикова генсеку Коминтерна Г. Димитрову по поводу ситуации, сложившейся в Югославии весной 1941 г. В своем послании генерал-лейтенант Ф. И. Голиков попросил руководство ИККИ повлиять на Вальтера (Тито), который ополчился на представителя РУ РККА в Югославии Мустафу Голубича и мешает его деятельности (РГАСПИ, ф.495, оп. 277, д. 1804). В личном деле М. Голубича и Й. Б.Тито нет ответа или комментария Г. Димитрова по поводу этой жалобы, как нет

никаких пометок Димитрова и на письме Голикова. Это достаточно необычно, учитывая то, что кадры ИККИ стремились помогать или, по крайней мере, не мешать деятельности «соседей». Конфликт между «соседями» и кадрами ИККИ неизбежно приводил к печальным последствиям для последних.

Однако в данном конкретном случае неприятных последствий для Й.Тито не наступило. М. Голубич был арестован 7 июня 1941 г. по анонимному доносу белградским отделением гестапо (БдС) и после длительных жестоких пыток расстрелян (до 8 октября 1941 г.) (ИАБ, ф. BdS, д. G-714.) Тело Мустафы Голубича, известного в РУ РККА под оперативным псевдонимом «Омега» (Диенко 2002), было эксгумировано СМЕРШем 3-го украинского фронта осенью 1944 г. Дальнейшая судьба его посмертных останков неизвестна. Остался лишь кенотаф (комеморативная могила без тела) на Новом кладбище в Белграде с короткой надписью «Мустафа Голубич, Герой СССР», хотя имя М. Голубича в опубликованных списках Героев Советского Союза отсутствует (Герои 1987-1988). Похожие «трудности» произошли и у агента РУ РККА в независимой Хорватии - Ивана Сребреняка (Senčić 1983: 320-329), которого в феврале 1942 г. усташская полиция арестовала в Загребе из-за анонимного доноса.

Не менее быстро угас и еще один независимый источник информации – станция СС ИККИ. Ее руководитель Й.Копинич не был арестован и успешно действовал до конца войны. Однако Й. Б. Тито удалось после ряда интриг (конфликт Й. Копинича с ЦК КП Хорватии, неудачный побег членов КПЮ из лагеря Керестинец) девальвировать статус Й. Копинича, изолировать его и свести его роль к концу 1941 г. к деятельности простого радиста, безо всяких контрольных или наблюдательных функций. В начале 1943 г., по сообщению И. Морозова, начальника СС ИККИ, в Югославии действовало три радиостанции: в Хорватии (Й. Копинича), в партизанском районе Югославии (радиостанция, попавшая к Й. Б. Тито через М. Брашича) и в Словении. С их помощью ИККИ поддерживал связь с компартиями Югославии, Италии, Австрии и Албании (Коминтерн 1994, II: 10, 61, 62).

С осени 1941 г. информация из Югославии стала прибывать в СССР только из одного источника – от лидера КПЮ Й. Б. Тито. Конечно, существует множество предположений о том, что некий

человек от НКВД находился рядом с Тито. Так, В. Дедиер утверждал, что им был бывший белый эмигрант Ф. Махин (Dedijer 1951: 142; Тесемников 2007), как единственный русский в ближайшем окружении Тито. Тогда неясно, почему из списка «подозреваемых» исключен еще один эмигрант - Владимир Смирнов, бывший начальником Технического отделения Верховного Штаба в течение всей войны?! Российский историк Б. Старков без указания источников утверждал, что роль резидента в штабе партизан выполнял Иван Краячич (Старков 1996: 485). Столь же непонятными были мотивы, заставлявшие гестапо искать резидента НКВД среди безуспешно разыскивавшихся русских эмигрантов – В. А. Лауданского (помощника Ф. Е. Махина) и В. Лебедева, таинственного однофамильца советника советского посольства (ИАБ, ф.УГБ СП IV, д.127/6; ИАБ, ф.УГБ СП IV/ д.11/16 СП.IV-11/59).

Таким образом, СССР живейшим образом участвовал в подготовке и инициации начала партизанского восстания в Югославии, однако вскоре после этого утратил контроль над его лидерами и в следующий раз выступил прямым участником событий в Югославии лишь в 1944 г., в связи с разведывательно-представительской миссией Н. В. Корнеева, прибывшей в феврале 1944 г., воздушной операцией по спасению Тито из рук немцев в мае 1944 г. в Боснии и, наконец, прямым использованием Красной Армии на территории восточной части Югославии в октябре 1944 г. В результате была освобождена от немцев столица Югославии – Белград, а Гражданская война в Югославии решена в пользу советских союзников (партизан). Однако был ли контроль над событиями в стране восстановлен так и не удалось, что привело к фактическому поражению советской политики в Югославии в 1948-1953 г. и прямому дрейфу последней в сторону НАТО.

Примечание:

В работе использованы архивные фонды
РГАСПИ - Российский государственный архив
социально-политической истории.

АЖ - Архив Югославии

ИАБ - исторический архив Белграда.

Литература:

Адибеков и др. 1997 - Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. М., 1997.

Герои 1987-1988 - Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М., 1987-1988. Т.1.

Диенко 2002 - Диенко А. Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002.

Коминтерн 1994, I - Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Ч.1.

Коминтерн 1994, II - Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Ч.II.

СССР-Германия 1989 - СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. Вильнюс, 1989. Т.2.

Старинов 1989 - Старинов И.Г., Подготовка партизанских кадров. М., 1989, Воениздат.

Старков 1996 - Старков Б.А. Панславянская идея в Советской России.// Европа и Срби. Београд, 1996. С. 485.

Тесемников 2007 - Тесемников В. Югославская одиссея Фёдора Махина. // Родина, №8, 2007.

Односи 1996 - Односи Југославије и Русије (СССР) 1941-1945. Београд, 1996.

Радић 2006 - Радић Р. Живот у временима: Гаврило Дожић (1881-1950). Београд, 2006.

References:

Adibekov et al. 1997 - Adibekov G.M., Shahnazarova E.N., Shirinja K.K. Organizacionnaja struktura Kominterna. 1919-1943, M., 1997.

Blic. 2007, 13.02 - Zahtev za rehabilitaciju ruskog obaveštajca Miloša Brašića. // Blic. 2007, 13. februara.

Bošnjak 1983 - Bošnjak Lj. Diverzantska dejstva u Narodno-oslobodilačkom ratu 1941-1945. Beograd, 1983.

Cenčić 1983 - Cenčić V. Enigma Kopinič. Beograd, 1983.

Dedijer 1951 - Dedijer V. Dnevnik. Beograd, 1951.

Dienko 2002 - Dienko A. Razvedka i kontrazvedka v litsah. Encyclopedicheskij slovar' rossijskih spetsluzhb. M., 2002

Doder 1986 - Doder M. Kopinič bez enigme. Zagreb, 1986.

Geroi 1987-1988 - Geroi Sovetskogo Sojuza: Kratkij biograficheskij slovar'. M., 1987-1988. V.1.

Hariš 1960 - Hariš I. Diverzant. Beograd, 1960.

Hariš 1977 - Hariš I. Dnevnik diverzantskih akcija u Hrvatskoj. Zagreb, 1977..

Komintern 1994,I - Komintern i vtoraja mirovaja vojna. M., 1994, VI.

Komintern 1994, II - Komintern i vtoraja mirovaja

vojna. M., 1994, V.II.

Labović 1990 - Labović Đ. Tajne misije Mustafe Golubića. Beograd, 1990.

Leksikon 1980 - Leksikon narodnooslobodilačkog rata i revolucije u Jugoslaviji:1941-1945. Knj.1-2, Beograd-Ljubljana,1980

Merson 1999 - Merson A. Kommunistischer Widerstand in Nazideutschland. Bonn, 1999.

Morača 1974 - Morača P. Tito - strateg partizanskog rata // Prilozi za istoriju socijalizma. 1974, №9. S.3-43.

Narodni 1982 - Narodni heroji Jugoslavije. Knj 1-2. Beograd-Titograd, 1982.

Nešović 1983 - Nešović S. AVNOJ i revolucija : tematska zbirka dokumenata : 1941-1945. Beograd, 1983.

Nešković 1985 - Nešković B. Mustafa Golubić. Beograd, 1985.

Odnosi 1996 - Odnosi Jugoslavije i Rusije (SSSR) 1941-1945. Beograd, 1996.

Popović 1988 - Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941-1945). Beograd, 1988.

Radich 2006 - Radich R. Zhivot u vremenima: Gavriilo Dozhich (1881-1950). Beograd, 2006.

Ristović 1991 - Ristović M. Nemački «novi poredak» i jugoistočna Evropa: 1940/41 - 1944/45 : planovi o budućnosti i praksa. Beograd, 1991.

Schütrumpf 1996 - Schütrumpf J. Ernst Thälmann. An Stalin. Briefe aus dem Zuchthaus 1939 bis 1941. Berlin, 1996.

Španija 1971, 4 - Španija 1936-1939. Beograd, 1971. t.4

Španija 1971, 5 - Španija 1936-1939. Beograd, 1971. t.5

SSSR-Germanija 1989 - SSSR-Germanija 1939-1941. Dokumenti i materiali o sovjetsko-germanskih odnoshenijah. Vilnius, 1989. V.2.

Starinov 1989 - Starinov I.G. Podgotovka partizanskih kadrov. M., 1989, Voenizdat.

Starkov 1996 - Starkov B,A, Panslavjanskaja ideja v Sovetskoj Rossii.//Evropa i Srbi, Beograd, 1996, p.485.

Tesemnikov 2007 - Tesemnikov V. Jugoslavskaja odiseja Fedora Mahina. // Rodina, N8, 2007.

Tito 1961 - Tito. Vojna djela. Beograd, 1961. T.1.I

Tito 1982 - Tito. Djela. Beograd-Zagreb, 1982. T.7.

Tomasevich 1975 - Tomasevich J. The Chetniks: war and revolution in Yugoslavia. 1941-1945. Stanford, 1975. P.106.

Trhulj 1986 - Trhulj S., Mustafa Golubić čovjek

konspiracije. Ljubljana-Beograd, 1986.

Vojna enciklopedija 1970-1978 - Vojna enciklopedija. T.1-10. Beograd, 1970-1978.

Тимофеев Алексей Юрьевич - доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград, Сербия).

e-mail - al.timofev@gmail.com

Timofeev Alexey Jur'evich - doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher at the Institute for Modern Serbian History (Belgrade, Serbia)

e-mail - al.timofev@gmail.com